

Сальков, А. П. [рецензия] / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 291–293. — Рец. на кн.: Paiys, P. Czechosłowackie roszczenia graniczne wobec Polski, 1945—1947: Racibyrz. Giubczyce. Kiodzko / P. Paiys. — Opole: Wydawnictwo i Agencja Informacyjna WAW, 2007. — 169 s.

Piotr PaJys. Czechosłowackie roszczenia graniczne wobec Polski, 1945—1947: Racibyrz. Giubczyce. Kiodzko / Piotr Paiys. Opole : Wydawnictwo i Agencja Informacyjna WAW, 2007. s. 169.

Монография Петра Пальса «Чехословацкие пограничные претензии к Польше, 1945—1947: Ратиборг. Глубчице. Клодско», изданная в 2007 г. в Ополе, посвящена важнейшему сюжету длительного и противоречивого чехословацко-польского конфликта из-за Тешенской Силезии. Этот сюжет локализован автором и во времени (три значимых года — от установления временной советской военной администрации во всей Тешенской Силезии весной 1945 г. до заключения 10 марта 1947 г. польско-чехословацкого договора о дружбе и взаимопомощи с пограничным размежеванием), и в пространстве (Ратиборгский и Глубчицкий верхнесилезские районы, Клодский нижнесилезский район).

В первом разделе дается исторический очерк совместного проживания поляков и чехов («мораван») в Ратиборгском и Глубчицком поветах в 1893—1939 гг. За отправную линию автор берет границу 1742 г. Однако даже не упоминается Тешенский мир 1779 г., переговоры о котором начались под дипломатическим нажимом России и при поддержке Франции. Он завершил австро-прусскую войну за баварское наследство, передав герцогство Тешен на полтора века — вплоть до 1918 г., в состав именно австрийской Силезии. Автор рассматривает обсуждение наболевшей проблемы на Парижской мирной конференции 1919 г., принятие 23 апреля решения о переходе к Чехословакии района Гульчина (316 км кв., 45,4 тыс. жителей, преимущественно чехов), безуспешную попытку изменить в 1923 г. чехословацко-германскую границу в Богуминьском округе в районе Ратиборга. Полным молчанием обойдены обстоятельства отторжения Польшей после Мюнхенского сговора у растерзанной Чехословакии ее части Тешенской области. Именно эти события создали широкие предпосылки рассматриваемого в книге П. Пальса более позднего территориального конфликта. И польские, и российские историки в последние годы много сделали для объективного освещения этой проблемы [1; 2].

Второй раздел посвящен проблеме Ратиборга и Глубчиц в годы войны, рассмотренной на фоне противоречий между польским и чехословацким эмигрантскими правительствами в ходе выработки проектов их послевоенной границы с Германией (предложение М. Сейды осенью 1940 г. о передаче Чехословакии части района Глубчице и всего района Клодско, рассмотрение Э. Бенешем в конце 1942 г. двух концепций Смешанной польско-чехословацкой военной комиссии).

В третьем разделе «Начало спора. Ратиборгский инцидент (май—июнь 1945 г.) рассматривается вступление в Ратиборг и Глубчице Красной Армии, отказ Праге в ее просьбе о введении собственной администрации в Тешенской Силезии, установление власти советской военной комендатуры (она удалила 12 мая чешскую администрацию из Ратибора). Еще в первой половине апреля Военный Совет I Украинского фронта согласился передать Польше власть в Нижней Силезии и в левобережной части Ополя, но процесс затянулся до начала июня. К тому времени в Праге появились два документа, конкретизирующие ее претензии на германские земли, отходящие к Польше. В июне начались польско-чехословацкие военные столкновения, чехословацкие части заняли ряд поселков в районе Ратиборга.

Четвертый раздел «Между переговорами в Москве и Праге (июнь 1945 — февраль 1946 г.)» посвящен анализу двух раундов двусторонних переговоров в указанные сроки и ряда заседаний комиссии специалистов в период между этими переговорами. Попытки СССР добиться компромисса, оказать для этого давление на Прагу, в том числе, и путем введения в дело вопроса о Кладской области, успеха не возымели. К тому времени на Потсдамской конференции (июль—август 1945 г.) были приняты решения о передаче Польше Верхней и Нижней Силезии. После этого Москва в категорической форме заявила о невозможности поддержать поляков в споре за Тешен. В начале 1946 г. в развитии конфликта наступила новая фаза.

Пятый раздел «Время нарастающей напряженности (март — май 1946 г.)» посвящен работе двусторонней Политической подкомиссии, в которой обсуждались предложения и проекты сторон. Варшава настаивала на этнографической границе (это было связано с тем, что во всей Тешенской Силезии польское население являлось преобладающим, однако большинство польских местечек и городов было основано здесь лишь во второй половине XIX в., причем выходцами из Западной Галиции). Прага предлагала возврат старой границы, установленной еще на конференции послов стран Антанты 28 июля 1920 г., которую Польша отбросила, занимая после Мюнхена чехословацкую часть Тешенской Силезии. Переговоры зашли в тупик.

В мае 1946 г. Чехословакия интернационализовала конфликт, передав специальный меморандум западным державам. Это вызвало негативную реакцию в Москве, хотя еще в конце июня 1945 г. И. В. Сталин на встрече с главой чехословацкого правительства З. Фирлингером, пытаясь добиться сговорчивости чехов в тешенской проблеме, пугал их возможностью перенесения вопроса о Кладско на обсуждение мирной конференции по Германии.

В шестом разделе «На пути к нормализации (июль 1946 — март 1947 г.)» описываются контакты польских и чехословацких представителей, которые проходили под патронажем советской делегации во время работы Парижской мирной конференции (июль — октябрь 1946 г.). В ходе этих встреч был выдвинут ряд компромиссных вариантов, но все они были взаимно отклонены. Из-за тешенского конфликта затягивалось заключение польско-чехословацкого договора о дружбе и взаимопомощи. Ситуация начала восприниматься в Москве как скандальная. После нового советского нажима и даже грубого окрика (второе письмо И. В. Сталина и В. М. Молотова, адресованное 27 февраля 1947 г. К. Готвальду) договор был подписан в Варшаве 10 марта. Однако, сохранив статус-кво, он оставил проблему нерешенной.

Седьмой раздел показывает деятельность Верхнесилезского комитета, функционировавшего в 1946—1947 гг. Он был создан для защиты прав 5 тыс. чешских беженцев, оказавшихся на польской стороне.

В восьмом разделе автор попытался отдельно собрать аргументацию обеих сторон конфликта. Чехословацкая сторона делала упор на исторические аргументы, выводя их из глубины веков — политического тяготения Силезии еще к Великой Моравии X в. Делались также ссылки на выгодные для себя аспекты локальных переписей населения. Так, по немецкой переписи в Верхней Силезии (1925) 30,4 тыс. жителей назвали своим родным языком чешский, а 16,2 тыс. — и чешский, и немецкий.

Аргументы «люблинской» Польши конъюнктурно акцентировали отказ от великодержавности. Утверждалось, что лозунг «земля Короны чешской» по-сути тождествен лозунгу «Польша от моря до моря», а потому неприемлем. Считалось, что после раздела Тешена в 1920 г. чехи получили все, что могли. Использовались и выгодные для себя этнические доводы, так как во всем Тешенском районе (по оценкам 1910 г.) проживало 234 тыс. поляков и 116 тыс. чехов. К сожалению, четко сгруппировать и

каталогизировать все аргументы сторон автору не удалось. Значительная их часть, не попав в этот раздел, осталась рассеянной по всему тексту книги.

В заключение автор сообщает много интересных сведений о культурном развитии чехов и словаков в Польше, работе по ректификации границы на протяжении 1950-х гг. Лишь в последних строках скороговоркой упоминается о польско-чехословацком соглашении 13 июня 1958 г., которое в российской историографии рассматривается как трудный и затянувшийся возврат территории чехословацкого государства к домюнхенской границе. А между тем в Тешенской Силезии, по-существу, возникла уникальная международно-правовая коллизия. Союзническое решение по проблеме западной границы Польши о «существенном приращении территории на севере и западе» распространялось, конечно, и на рассматриваемый регион. Однако оно вошло в противоречие с другим союзническим решением — о непризнании всех границ, установленных фашистской Германией, в том чис

ле, конечно, и мюнхенских. Вместе с тем оба эти решения относились к числу столпов послевоенного ялтинско-потсдамского мироустройства в Европе.

Монография П. Палыса отличается глубиной научного анализа и впечатляющим количеством использованных источников — 24 фонда из девяти польских и чешских центральных и региональных архивов, 17 сборников документов и мемуарных публикаций, редкие материалы из периодической печати (главным образом, местной), почти 100 наименований исследовательской литературы и статей в научных журналах. Такой внушительный источниковый и историографический массив при разработке относительно узкой проблемы говорит о высокой научной компетентности и квалификации автора.

Было бы полезно, на наш взгляд, несколько укрупнить масштаб подачи материала, то есть проблему трех спорных районов в большей мере связывать с общими обстоятельствами более широкого польско-чехословацкого конфликта из-за Тешинской Силезии. Именно такой подход имеет место в новейших польских исследованиях [3, s. 75—96, 157—192]. Книга вносит весомый вклад в разработку проблемы национально-территориальных конфликтов в странах Восточной Европы, вовлеченных в состав советского военно-политического блока.

Тем более досадным является явная нехватка российских документальных публикаций [4 (особенно док. 28, с. 230; док. 45, с. 284); 5; 6] и исследовательской литературы [7, с. 118—128] в научном проблемном поле и справочном аппарате книги. Эти документы и масштабная статья Т. В. Волокитиной позволили бы адекватно отразить советский фактор в развитии конфликта, который, безусловно, присутствовал даже в тех случаях, когда Москва уклонялась от посреднических или арбитражных функций. Очевидный недостаток глубокой и интересной научной работы — отсутствие внятного картографического материала, что сильно затрудняет восприятие. В то же время книга снабжена многочисленными иллюстрациями, фотокопиями документов и пропагандистских материалов того времени.

Исследование П. Палыса адресовано узким специалистам — историкам-славистам и конфликтологам, которыми будет по достоинству оценено. Вместе с тем книга прицельно и детально рассматривающая обстоятельства болезненного польско-чехословацкого конфликта, позволяет выйти на широкие обобщения по сверхзначимой сегодня проблеме национально-территориальных противоречий. В этом особая актуальность и безусловная своевременность книги П. Палыса, которая не должна остаться незамеченной в сообществе европейских историков новейшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Badziak, K. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w swietle dokumentyw Oddzialu II Sztabu Glynwego WP / K. Badziak, Giennadij Matwiejew, Pawel Samus. Warszawa : Adiutor, 1997. s. 191.
2. Морозов, С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933—1939: Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека / С. В. Морозов. М. : МГУ, 2004. 528 с.
3. Materski, W. Dyplomacja Polski «lubelskiej»: lipiec 1944 — marzec 1947 / W. Materski. Warszawa : Instytut Studiow Politycznych PAN; Oficyna Wydawnicza RYTM, 2007. s. 427.
4. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 4 т. М. : Международные отношения, 1996—2003 / Г. П. Кынин, Й. Лауфер (сост.). Т. 3: 6 октября 1946 г. — 15 июня 1947 г. — 2003. 856 с.
5. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998 / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948. 1998. 985 с.
6. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы: в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002 / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948. — 2002. 928 с.
7. Волокитина, Т. В. Польско-чехословацкий пограничный конфликт (1944—1947 гг.) / Т. В. Волокитина // Вопросы истории. 1998. № 6.

А. П. Сальков, заведующий кафедрой истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук, доцент